

УДК 069.53(571.13)"1920/1929"

*Красильникова Е. И.*ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ЭКСПОЗИЦИИ
ОМСКОГО МУЗЕЯ В 1920-е гг.

В настоящее время в отечественной гуманитаристике возрастает актуальность научных исследований, посвященных особенностям исторической памяти различных сообществ. Перемены, произошедшие в обществе и его культуре с установлением Советской власти, подробно описаны историками, по-разному интерпретирующими эти процессы. Но рецепция новых условий социально-политической и социально-культурной жизни в стране изучена мало. Исследование того, как в крупных провинциальных городах менялся культурный ландшафт (в том числе и «ландшафт коллективной памяти»), как трансформировались представления горожан об общем прошлом, как эти представления закреплялись, сохранялись и воспроизводились, подводит нас к пониманию степени готовности российских провинциалов начала 1920-х гг. внутренне принять новую политическую идеологию в качестве основы собственного духовного мира и адаптировать к ней свою повседневную жизнь. Подобные исследования обращают внимание историка на внутренний мир «маленького» человека, испытывающего активное давление политики памяти* власти, в первостепенные задачи которой, входит собственная легитимация. Опыт таких исследований полезен и с точки зрения осмысления современных культурных и политических конфликтов на почве вандализма, сноса памятников и столкновения непримиримых вариантов групповой памяти относительно одних и тех же сюжетов.

Раскрытие темы данного исследования невозможно без обращения к трудам историков о культурной политике государства и особенностях «музейного строительства» 1920-х гг.¹ Осмыслению специфики исторической части омской музейной экспозиции 1920-х гг. способствует ретроспективный взгляд на этот вопрос сквозь призму исследований о музей-

* Политика памяти – это способы и сам процесс идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов.

¹ См., напр.: *Годунова Л. Н.* Органы управления музейным делом в СССР. 1917 – 1941 гг. // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19. С. 13-42; *Ушаков А. В.* Научно-исследовательская работа музеев исторического профиля (1917 – 1959) // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19. С. 45-71; *Семенов Т. Н.* Выставочная работа музеев (1917 – нач. 1950-х гг.) // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19. С. 99-124; *Равикович Д. А.* Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1969. Вып. VI. С. 97-145; *Соскин В. Л.* Российская советская культура в 1917 – 1927 гг. Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

ном деле дореволюционной России². История омского краеведческого музея неоднократно привлекала внимание исследователей. В конце 1960-х гг. В. Л. Соскин привел обобщенные сведения о характере «музейного строительства» 1920-х гг. в Сибири, упомянув и отделы Русского географического общества, к которым относился омский музей³. Советские этнографы изучали историю комплектования коллекций музея⁴ и обзорно характеризовали развитие музейного дела в Омске⁵. В 1990-х гг. продолжилось изучение истории коллекций⁶, исследовалась деятельность омского музея, как учреждения культуры и науки⁷, уделялось внимание участию различных социальных групп в работе музея⁸, уточнялась история здания музея как памятника культуры и истории Омска⁹. В 2000-х гг. этот музей попал в исследовательское внимание омских городоведов: Д. А. Алисова, изучающего взаимосвязь городской среды и культурной жизни городов Западной Сибири¹⁰, и В. Г. Рыженко, затронувшей историю музея в контексте авторской методологической модели «интеллигенция – культура – город»¹¹. Но до сих пор характер построения именно исторической экспозиции омского музея, как места памяти жителей Омска, не подвергался специальному анализу историков. Ранее нами предлагалась характеристика экспозиций новосибирского и томского музеев как городских мест памяти¹². Данная статья, посвященная экспозиции омского

² Разгон А. М. Этнографические музеи в России (1861 – 1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3. С. 231-268; Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение в конце XIX – нач. XX вв. М., 2008.

³ История Сибири. Т. 4. Л., 1968. С. 266-267.

⁴ Томилов Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография. 1981. № 5. С. 84-95; Шумилов А. И. Из истории создания историко-революционного отдела омского краеведческого музея // Музееведение Западной Сибири. Омск, 1988. С. 20-22 и др.

⁵ Назарцев Т. М. Развитие музейного дела в Омской области // Музееведение Западной Сибири. Омск, 1988. С. 14-16.

⁶ Мартынова Л. С. Этапы комплектования коллекций омского краеведческого музея // Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 28-30 и др.

⁷ Виле П. П. Основные этапы истории и перспективы развития Омского государственного историко-краеведческого музея // Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 2-7; Пугачева Н. М. Краеведческие музеи // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 125-126.

⁸ Гейфнер О. В. Роль военных в организации Омского музея // Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 148-150; Томилов Н. А. Интеллигенция в музейном деле Западной Сибири 1920-х гг. // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.). Омск, 1993. С. 79-81.

⁹ Гуменюк А. И. Дворец генерал-губернатора Западной Сибири в Омске // Памятники истории и культуры Омска. Омск, 1992. С. 75-80. и др.

¹⁰ Алисов Д. А.: 1) Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870 – 1914). Омск, 2006; 2) Городская среда и культурный облик Омска // Очерки истории города Омска. Омск, 2005. Т. 2. Омск. XX в. С. 146 и др.

¹¹ Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. С. 280-316 и др.

¹² Красильникова Е. И.: 1) Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-Сибирского краеведческого музея (1920 – первая половина 1941 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 155-160; 2) Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. // Сибиряки. Региональное сообщество в историческом и региональном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 83-89.

музея, продолжает наш проект, направленный на изучение динамики западносибирских городских мест памяти в 1920-х гг. Основными источниками данного исследования являются отчетная документация музея; репортажи о музее из местной газетной периодики; справочная и историческая литература об Омске дореволюционного и изучаемого периодов.

Цель данного исследования состоит в характеристике и объяснении проблем репрезентации коллективной памяти о прошлом в экспозиции Государственного Западносибирского краеведческого музея в период между Гражданской войной и «Великим переломом», изменившим вектор политического, экономического и социокультурного развития страны. В этой связи нам предстоит рассмотреть следующий круг вопросов: о соотношении традиционных для дореволюционного музейного дела подходов к построению исторической части музейной экспозиции и советских методологических и методических новаций в практике создания экспозиции; о влиянии на нее политики памяти Советской власти; о социально-экономических, повседневных контекстах, отражавшихся на исторической части экспозиции музея, и о воздействии на характер экспозиции специфики местной жизни Омска.

Музеи создают необходимую человеку иллюзию вечности. Места памяти существуют на границе между жизнью и смертью, это «уже не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть»¹³. Они рождаются и живут благодаря чувству, что «спонтанной памяти нет, а значит нужно намеренно создавать архивы, годовщины»¹⁴. Музеи становятся необходимы в условиях угасания внутренне переживаемой исторической памяти общества как внешнее средство ее поддержания. Давно замечено, что «музеи и музейное воображение в глубине своей политичны»¹⁵. Государственный музей обычно отражает то, как это государство созерцает и воображает свои владения, людей, которыми правит, и легитимность собственного происхождения. Советские региональные музеи создавались и в качестве средства формирования представлений населения СССР о родном крае как о части великого советского государства; служили формированию и укреплению советской идентичности. В 1920-е гг. официальная советская схема построения музейной экспозиции только складывалась в атмосфере жарких дискуссий и дебатов, как в столице, так и на местах.

Краеведческий музей в Омске был основан в 1878 г. Западносибирским отделом русского географического общества (далее ЗСОРГО). В 1921 г. музей был выделен из состава ЗСОРГО в самостоятельное учреждение – Государственный Западно-Сибирский краевой музей. В 1921 – 1923 гг. его директором был Б. С. Семенов, который одновременно являлся и секретарем распорядительного комитета ЗСОРГО. После увольнения Б. С. Семенова директором музея стал В. Ф. Мелехин, проработавший здесь с 1924 по 1929 гг. и составивший подробный отчет о деятельности музея за пять лет¹⁶.

Как отмечает Л. С. Мартынова за 43 года существования музея при ЗСОРГО (1878 – 1921 гг.) в его фондах сложились ценные коллекции гуманитарного характера, использо-

¹³ Франция – память. М.; СПб., 1999. С. 25.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 196.

¹⁶ Мелехин В. Ф. Пять лет работы музея. 1923 – 1928 гг. (краткий отчет). Омск, 1928. С. 14.

вавшиеся для научных исследований, проведения экскурсий, лекций и выставок¹⁷. По наблюдению Н. А. Томилова, создание омского музея фактически совпало с утверждением в нашей стране статуса этнографии как самостоятельной науки¹⁸. Этот музей стал одним из наиболее ранних центров изучения этнографии народов Азиатской России¹⁹. Омский музей начала XX в. являлся одним из центров самореализации, культурного и дружеского общения омской интеллигенции, активно участвовавшей на рубеже веков в деятельности различных обществ²⁰. В целом на рубеже XIX – XX вв., «музеи приобретают статус культурной нормы»²¹; этнографами движет идея собирания и сохранения, бесследно исчезающих в условиях модернизации памятников прошлого²². Тогда же приходит осознание того, что «сберечь от гибели старину было бы легче местному обитателю, чем заезжему из столицы этнографу»²³. Активная собирательская работа омских музейщиков до революции отвечала данному убеждению. На рубеже XIX – XX вв. традиционным направлением в работе музеев также стала охрана «местных древностей» и памятников архитектуры.

С 1918 г. музеи стали рассматриваться Советской властью, прежде всего как идеологические и научно-просветительские учреждения. После Гражданской войны Советская власть инициировала работу музеев по выявлению, учету и сохранению памятников и артефактов старины, к которой активно привлекалось население²⁴. Тогда было актуально сохранить артефакты, свидетельствующие об имущественном расслоении «мрачного» прошлого и классовой борьбе, а также не допустить массового вывоза ценностей за рубеж. Губернские комитеты по делам музеев должны были также инициировать научную и просветительскую деятельность. С 1923 г. в задачи музеев входила критическая оценка всех сохранных памятников²⁵. В 1925 г. был задан экономический уклон собирательской деятельности музеев и построению экспозиций, которые должны были отражать в первую очередь вопросы хозяйственного развития страны и региона. Но одновременно продолжалась организация этнографических и археологических экспедиций, к которым, однако, стали привлекаться краеведы-любители из числа тех, кого ранее называли «иногородцами». С начала 1920-х гг. музеи активно участвовали в развитии краеведения²⁶. Краеведение способствовало пополнению музейных фондов, что являлось закономерным развитием дореволюционных взглядов на роль местного населения в сохранении памятников старины. В середине деся-

¹⁷ Мартынова Л. С. Этапы комплектования коллекций омского краеведческого музея. С. 29.

¹⁸ Томилов Н. А. Омск как научный центр России по изучению народов Азии (на встречу 145-летию омской этнографии) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1988. С. 6.

¹⁹ Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870 – 1914 гг.). С. 277.

²⁰ Сабурова Т. А. Интеллигенция Омска на рубеже XIX – XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск, 1995. С. 14.

²¹ См.: Музейное дело России / Отв. ред. М. Е. Каулен, 2010. С. 32-33.

²² Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение в конце XIX – нач. XX вв. С. 112.

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Равикович Д. А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.). С. 99.

²⁵ Годунова Л. Н. Органы управления музейным делом в СССР. 1917 – 1941 гг. С. 25-26.

²⁶ Ушаков А. В. Научно-исследовательская работа музеев исторического профиля (1917 – 1959). С. 48.

тилетия сибирские музейщики проявляли интерес к городоведению, к выявлению «духа места», его уникальности. Однако с 1927 г. руководящими органами было признано, что научно-исследовательская работа музеев идет в разрез с работой политико-просветительской²⁷. А смена государственного курса на рубеже десятилетий ускорила путь к унификации и более выраженной политизации музейного дела в СССР.

С 1913 по 1923 гг. омский музей не опубликовал ни одного отчета, поэтому трудно судить о характере его исторической экспозиции. Известно, что в этот период формировался «Архив войны». В цели архива входило прославление армии А. В. Колчака и «отражение героического пути армии Колчака к Москве»²⁸. Но мемориальные предметы, имеющие отношение непосредственно к А. В. Колчаку, в омском музее почти не сохранились. До наших дней чудом дошли лишь колчаковские листовки и некоторые научные статьи адмирала²⁹. В 1920 – 1923 гг. омский музей размещался в обветшавшем здании и имел колоссальные финансовые задолженности. Неизвестно, как в экспозиции этого времени было представлено историческое прошлое Омска, Сибири и России. Научная работа остановилась, инвентаризация велась небрежно, многие экспонаты были испорчены и утрачены. В декабре 1922 г. известный общественный деятель Сибири В. Д. Вегман с болью констатировал неизбежность гибели экспонатов музея, содержащихся с нарушением температурного режима. Он описывал и хаос, воцарившийся в организации музейного дела Омска³⁰. Эта ситуация осложнилась крупным скандалом: директор музея Б. С. Семенов был обвинен в кражах музейного имущества и уволен³¹.

В 1920 – 1923 гг. музей принимал посетителей с перебоями. График его работы часто менялся, попасть в него было не так уж и просто, о времени его работы нужно было узнавать из газет, а на экскурсии записываться заранее. Посещение музея было не бесплатным (200 000 руб. в 1922 г.). Не каждый житель Омска мог в экономически тяжелых условиях позволить себе потратить деньги на билет в музей. В 1923 г. цена на детские билеты понизилась вдвое. По всей видимости, музей стремился привлечь в первую очередь подрастающее поколение, которое нужно было воспитывать в духе новой идеологии. Однако взрослые билеты в этот момент подорожали вдвое. Сотрудники музея старались привлекать посетителей бесплатными экскурсиями, которые проводились для групп³². По данным прессы, такие экскурсии вызвали оживленный интерес. Комсомольцы, к примеру, «с жадностью слушали и смотрели», но краткость изложения материала «без объяснений» обычно разочаровывала посетителей музея³³.

²⁷ Годунова Л. Н. Органы управления музейным делом в СССР. 1917 – 1941 гг. С. 32-33.

²⁸ Очерки истории города Омска. Т. 2. Омск. XX в. С. 75.

²⁹ Лоскутова А. М., Сорокин А. П. А. В. Колчак – портрет на фоне эпохи: из опыта создания историко-биографических выставок // Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 191.

³⁰ Вегман В. Д. Надо спасти культурные ценности // Рабочий путь. 1922. 15 декабря.

³¹ Процесс профессора Семенова // Рабочий путь. 1925. 16 февраля.

³² [Объявления] // Рабочий путь. 1922. 11 ноября.

³³ Рабочий путь. 1922. 26 февраля.

Историческая часть экспозиции в условиях тесноты была очень маленькой и концептуально не выстроенной. Старые концептуальные представления о характере построения исторической экспозиции идеологически устарели, а новые только разрабатывались столичными специалистами. В омском музее археологический, этнографический и нумизматический отделы экспозиции оставались традиционными, существовал еще оригинальный музыкально-этнографический отдел, сформированный также до революции. Эти материалы, как и прежде, должны были свидетельствовать об успехах русской колонизации Сибири. В 1922 г. в экспозиции был представлен также отдел о революции и Гражданской войне³⁴. Создать военно-революционный музей «по горячим следам» предлагал еще в 1920 – 1921 гг. пожилой краевед Г. Е. Катанаев, участвовавший в работе колчаковской администрации и отпущенный из иркутской тюрьмы в силу «дряклости и отсутствия серьезных обвинений»³⁵. Он умер в том же 1921 г., но, возможно, именно его неоднозначные в политическом отношении наработки и легли в основу построения музейного отдела революции и Гражданской войны. Неудивительно, что вскоре этот отдел закрылся. В то же время, мы не находим и сведений о репрезентации в музейной экспозиции начала 1920-х гг. исторического прошлого в духе марксизма. Именно историческая часть экспозиции, по данным прессы (1923 г.), оставалась наиболее бедной, и лишь новый хранитель музея, этнограф Ф. В. Мелехин стал заявлять, что ее развитие – это приоритетное направление в работе музея, не спеша, однако, серьезно браться за этот участок работы.

В середине 1920-х гг. «провисавшая» историческая экспозиция, по всей видимости, строилась также консервативно. Все-таки изначально музей был в большей степени ориентирован на естественные науки и традиционную дореволюционную этнографию. Сотрудники музея придерживались поставленных перед собой еще в 1923 г. традиционных задач: охранять памятники старины и изучать культурно-исторические аспекты жизни сибиряков³⁶. В 1925 г. в музее читались вполне традиционные публичные лекции по темам, которые здесь изучались и до революции – «Каменный век» и «Шаманство как прототип современной религии».

В соседнем Томске музейные работники, начиная с первых послевоенных лет, активно изучали архитектурные памятники своего города и другие местные достопримечательности. В итоге томский музей мог похвастаться наличием оригинального отдела «По старому городу», который был особенно любим и интересен томичам. Омичи также включались в работу над актуальными городоведческими и краеведческими проектами, характерными для 1920-х гг.³⁷ Но вплоть до конца 1920-х гг. это не находило непосредственного отражения в постоянной экспозиции музея. Не происходило и ее тотального «осовечивания». Все-таки сибирские музеи середины 1920-х гг. «еще сохраняли свою привлекатель-

³⁴ Рабочий путь. 1922. 21 июня.

³⁵ *Вибе П. П.* О создании в Омске «Музея Гражданской войны в Сибири» // Катанаевские чтения. Омск, 2006. С. 172.

³⁶ Хроника // Рабочий путь. 1922. 9 марта.

³⁷ *Рыженко В. Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города ... С. 307-308.

ность, как форма реализации творческих планов инициативных личностей»³⁸. Во второй половине 1920-х гг. в музее продолжалось развитие традиционной этнографии (количество экспонатов к 1927 г. достигло 1 500 единиц), археологии (617 экспонатов) и нумизматики (3 000 экспонатов)³⁹. Музей получил также новую коллекцию по нумизматике и бонистике от омского отделения общества филателистов⁴⁰. Все эти материалы, видимо, по-старому встраивались в музейную экспозицию. Показательно, что из отчета музея 1927 г. следует отсутствие в его коллекции экспонатов по истории города⁴¹.

Однако с середины 1920-х гг. музей, в соответствии с заданными властью установками, стал крупным центром краеведения. В 1927 г. в официальной документации музей впервые был назван «краеведческим». С середины второго десятилетия XX в., при активном участии историко-партийной комиссии, началась работа над отделом истории и революции, который вновь открылся в 1925 г. В экспозицию попала коллекция оружия, специально приобретенная на военно-артиллерийских складах, переданные из фондов истпарта фотографии, листовки, вырезки из газет. Число экспонатов этой части экспозиции было внушительным – 2 000 единиц⁴². В 1927 г. при содействии истпарта была проведена первая выставка «Октябрь в Сибири». Выставка была организована с размахом: она включала 10 разделов, занимала 15 комнат и один большой зал. За две недели работы выставки ее посетило 20 328 человек⁴³. По всей видимости, еще «живая» память о революции и войне привлекала публику в музей. С другой стороны, необходимо учесть и активную работу по организации экскурсий истпартом.

Но директор музея и его коллеги не проявляли особенного интереса к построению этой части экспозиции. Ф. В. Мелехин не считал ее развитие первоочередной задачей⁴⁴. Штатные сотрудники музея вплоть до конца десятилетия сохраняли собственный взгляд на работу музея. Из протокола заседания совета омского музея известно, что в 1928 г. музей получил из Новосибирска новое типовое положение о музеях. Это положение не одобрялось омским музейным коллективом, который хотел работать по-своему⁴⁵.

В конце 1920-х гг. омские музейщики, в соответствии со своими изначальными установками, пытались защищать Крепостной Воскресенский собор от его передачи военным частям под клуб с последующей перестройкой. Музейщики просили отдать собор их учреждению под антирелигиозную выставку⁴⁶. В этом порыве заметно их желание сохранить храм для города, хотя бы как архитектурный и «исторический памятник». Однако Гор-

³⁸ Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. Музей в культурном пространстве сибирского города // Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 26

³⁹ Государственный архив Новосибирской области (Далее – ГАНО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14. Л. 26 об.

⁴⁰ Мартынова Л. С. Этапы комплектования коллекций Омского краеведческого музея. С. 29.

⁴¹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.

⁴² ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

⁴³ Шумилов А. И. Из истории создания историко-революционного отдела ... С. 21-22.

⁴⁴ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 125. Л. 4-5.

⁴⁶ Там же. Л. 9; ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 126. Л. 5.

совет принял окончательное решение передать храм армии. Как отмечают исследователи, во второй половине 1920-х гг. наука продолжала сохранять определенную независимость от власти, будучи, по своей сути, средством объективного знания, что коренным образом и отличало ее от идеологии⁴⁷. Именно глубокие знания и независимая позиция сотрудников омского музея не давали стать исторической части экспозиции вульгарно типовой. Показательно, что в 1929 г. Ф. В. Милехина уволили из музея «за социально чуждые классовые мероприятия»⁴⁸.

В конце 1920-х гг., под давлением руководящих органов, все-таки началась более детальная разработка исторической части экспозиции, сопровождавшаяся серьезными дискуссиями. С. И. Кочневу было поручено составить план построения историко-революционного отдела (1928 г.). План этот не сохранился. О его сути можно судить лишь из замечаний коллег С. И. Кочнева, которые признали план излишне упрощенным, даже схематичным. Автор упустил те детали, которые могли бы акцентировать внимание именно на местных особенностях революционной борьбы. Так, ему предложили добавить в план материалы о максималистской газете «Степной край»; о выборах в Учредительное собрание, назвать фамилии большевиков, которые туда прошли, рассказать о партизанах Седельниковского района⁴⁹. В 1928 г. А. И. Харчевниковым был разработан план отдела истории края. Этот план не включал важные с точки зрения критиков из числа сотрудников музея темы о «дорусском» периоде, о народном просвещении, о развитии санитарии, об истории различных местных учреждений, темы городского быта рабочих и деревни. А. И. Харчевникова обязали добавить в план темы по истории быта, здравоохранения и просвещения⁵⁰. Эти обсуждения демонстрируют существенные методологические сложности в работе омских музейщиков. Тяготение к схематизации и потеря в экспозиции целых эпох и очевидных тем (таких, как «дорусский» период и сибирская деревня) свидетельствуют о размытости понимания того, как и из чего выстроить историю края. Было совершенно не ясно, как избежать параллелизма в этнографической части экспозиции и «дорусской», спорным было то, какие эпизоды местной истории стоит включать в экспозицию. Сотрудники музея, внося предложения тематически разнообразить план, скорее всего, в первую очередь, шли не от формальных инструкций, а от собственной памяти: невозможно было забыть недавний ужас тифозной эпидемии, первые шаги в переустройстве работы «колчаковских» официальных учреждений на советский лад и т.п. Наконец, открытым оставался вопрос: относится ли к истории период революции и Гражданской войны?

Обсуждались на заседаниях музейного совета в этот период и сугубо теоретические проблемы. К примеру, какой принцип построения экспозиции взять за основу – систематический или тематический. Систематическая экспозиция вызывала большее одобрение, но

⁴⁷ Соскин В. Л. Российская советская культура (1917 – 1927 гг.). Очерки социальной истории. С. 315.

⁴⁸ Пугачева Н. М. Мелехин Ф. В. // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 143.

⁴⁹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 125. Л. 12-13.

⁵⁰ Там же. Л. 13.

для ее размещения не хватало места, поэтому более простым казалось сделать экспозицию тематической, то есть допускающей постепенное добавление тем и их замену⁵¹.

К 1929 г. омичи наконец построили новую типовую экспозицию по принципу замкнуто-непрерывной цепи. Экспозиция была все-таки систематической. Местами использовался и зональный принцип. Начиная осматривать экспозицию, посетитель попадал в богатый разнообразными экспонатами естественноисторический отдел, после чего, переходил к осмотру отдела культурно-исторического, постепенно осматривая археологическую, этнографическую и историческую части экспозиции (неясно, как соблюдалась в этом отделе количественная пропорция между экспонатами, имеющими отношение к прошлому страны и региона). Далее следовал отдел революционный, новый отдел истории Омска, экономический зал, художественная галерея и сад⁵². Из логики построения экспозиции видно, что революция была в итоге отнесена к прошлому. Но соседство революционного отдела с отделом истории Омска должно было производить на зрителя должное эмоциональное впечатление, «оживлять» революционную часть. Все-таки именно узнавание знакомых предметов, связанных с историей родного города, дает ощущение сопричастности к истории края и расширяет коллективную память. Выстроенная по принципу исторической последовательности, экспозиция была логичной, но, пожалуй, более скучной, чем в Томске, где просмотр начинался с любимого томичами зала «Старина Томского края», сразу разжигавшего любопытство и вызывавшего большие ожидания от просмотра следующих залов⁵³. Экспозиция томского музея, по нашему мнению, более естественно и ощутимо поддерживала локальную идентичность горожан, чем «выстраданная» экспозиция омского музея, вызывавшая в посетителях живой эмоциональный отклик в конце просмотра, когда те уже чувствовали усталость. Надо признать, что посещаемость музея постоянно возрастала. В 1925 г. музей посетило 55 258 чел., в 1926 г. – 98 745 чел; за неполный 1928 г. – 91 338 чел.⁵⁴ Однако вызывает сомнение: историческая ли часть экспозиции, сопряженная с потребностью общества в поддержке коллективной памяти, повышала популярность музея?

Направленность политики памяти государства на Омск довольно прозрачна. Печать 1920-х гг. напоминала читателям о старинных омских местах памяти: об Омской крепости, крепостных воротах: Тарских, Тобольских, Омских, Иртышских, «Мертвом доме» (место заключения Ф. М. Достоевского) и др. Однако в контексте новой парадигмы памяти все эти места должны были напоминать тягости дореволюционной жизни: чиновничий произвол, каторгу, «военщину». Старый Омск называли «мертвым городом Акакиев Акакиевичей». Серьезной дискредитации подвергались религиозные памятники. Сообщалось, например,

⁵¹ Там же. Л. 12.

⁵² ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 127. Л. 414.

⁵³ Красильникова Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. С. 84.

⁵⁴ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 127. Л. 18.

что Архиерейский дом был передан психиатрической больнице⁵⁵. Неслучайно Ф. В. Мелехин говорил на заседании Омской окружной конференции по краеведению, что «современность стоит лицом к будущему, а не к прошлому»⁵⁶. Период диктатуры А. В. Колчака воспринимался однозначно негативно, подлежал дискредитации и намеренному забвению. В еще недавно «белом» городе большевикам было особенно важно стереть хоть сколько-нибудь позитивно окрашенную память о «правителе Омском» и его режиме, а также сформировать у омичей шаблонные воспоминания о революционных и военных событиях. Среди методов забвения было и уничтожение артефактов колчаковщины («белогвардейских» книг, личных вещей, принадлежавших «колчаковской шайке») ⁵⁷. Чудом уцелевшие омские музейные экспонаты, относящиеся к истории белого движения, до сих пор практически не известны омичам⁵⁸.

Практиковалось и «вселение» советской парадигмы памяти на места поверженной «имперской» и «белой» памяти. Переезд музея в новое здание – бывший дворец генерал-губернатора, а в последствии дом совета колчаковских министров, имел символическое значение. Журналист «Советской Сибири» выразился в 1924 г. по этому поводу так: «Все прошлое сдано самой жизнью <...> в музей»⁵⁹. Эта фраза с одной стороны отражает отношение к музею не как к месту памяти, а как к месту истории, для которого характерно сохранять уже «отжившую», утратившую для общества острую актуальность информацию о прошлом. С другой стороны, факт занятия советским учреждением культуры здания администрации старой власти свидетельствует о фактическом сохранении у музея важных функций места памяти. Заселение музея в это здание дискредитировало старую власть, провозглашало ее несостоятельность и позорное падение. Использовалась и деконкретизация сведений о колчаковцах и образов, ассоциировавшихся с Колчаком, в печати и популярной краеведческой литературе. Так среди характеристик городской жизни периода правления А. В. Колчака называли лишь реки водки, вина и шампанского, ужины, маскарады, спектакли, музыку на парадах и в ресторанах. Одновременно советская пресса формировала в сознании горожан новый «ландшафт коллективной памяти», окутанной ореолом революционной жертвенности, постоянно и эмоционально напоминая тяжелые бои под Марьяновкой, информируя о посещениях могил красноармейцев и большевиков и о новостях музея, который, по утверждениям газет, работал над обновлением исторической части экспозиции.

Поясним также некоторые социально экономические и повседневные контексты работы музея в 1920-х гг. После падения режима А. В. Колчака 15 ноября 1919 г. и установления Советской власти город оказался сильно разрушен, свирепствовала тифозная эпидемия, населению не хватало самого необходимого: еды, дров, лекарств, одежды. Разруха ка-

⁵⁵ Силуэты Омска // Советская Сибирь. 1924. 15 октября; П. Орлов. Омск 100 лет тому назад // Советская Сибирь. 1925. 30 апреля.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-217. Оп.1. Д. 9. Л. 8.

⁵⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 68. Л. 14.

⁵⁸ Вибге П. П. О создании в Омске «Музея Гражданской войны в Сибири». С. 170.

⁵⁹ Силуэты Омска.

тастрофически осложняла работу чудом спасшегося в огне Гражданской войны музея. Кроме того, годы войн и революций повлекли за собой рост преступности и деморализацию различных социальных групп. Большинству омичей, еле сводивших концы с концами, было не до культурного досуга. Не до заботы о музее было, по всей видимости, и его руководству. Б. С. Семенов, по сообщениям газет, в течение трех лет продавал музейные экспонаты и с вырученных денег выплачивал заработную плату сотрудникам музея, большинство из которых приходилось ему родственниками и друзьями⁶⁰. Но в годы разрухи кражи музейных ценностей обнаруживались и в других городах. Так, в Новосибирске пропали этнографические экспонаты: меховые изделия, шелковый монгольский халат, шелковые рубахи. Скорее всего, эти вещи были попросту кем-то изношены. В условиях нехватки одежды жители городов не брезговали даже снимать одежду с покойных, проникая в прощальные залы и разоряя свежие могилы⁶¹. Повышение уровня жизни населения к середине десятилетия естественным образом облегчило работу музея, у которого появились материальные средства. Команде Ф. В. Мелехина в условиях нэпа было легче работать, чем их предшественникам, тем более что до конца 1920-х гг. власть допускала некоторую научную свободу.

У Омска, основанного еще в 1716 г., к 1917 г. сформировался своеобразный социокультурный облик, обрисовалась общая для горожан коллективная память о специфике формирования городской среды и состава городского населения, о местных знаменитостях и великих россиянах, чьи судьбы оказались связанными с Омском. Так, к примеру, еще в 1911 г. омичи позиционировали себя, как жителей «города военных и чиновников», не вкладывая в эту характеристику негативного смысла⁶². Локальная историческая память горожан отражалась на топонимике, имевшей глубокие исторические корни. Среди интеллигенции Омска была популярной этнографическая и историческая литература⁶³. Образованные омичи, офицеры, кадеты, студенты традиционно задавали тон культурной жизни Омска. Эти слои городского населения стали впоследствии социальной базой колчаковцев. Колчаковцам для конструирования выгодной им парадигмы коллективной памяти был необходим омский музей. Известно, что ими не только по «горячим следам» создавался «Архив войны», но предпринимались попытки «проработать» омское локальное прошлое. Так Г. Е. Катанаев собирал по поручению Войскового правительства материалы для подготовки «Истории Сибирского казачьего войска», которые были им утрачены при эвакуации в Иркутск⁶⁴. Само привлечение ветерана музейного дела в Омске Г. Е. Катанаева к историческим исследованиям в духе колчаковской идеологии показательны с точки зрения понимания той серьезной роли, которую А. В. Колчак отводил музею. При отступлении А. В. Колчак намеревался эвакуировать и музей, однако его работники спрятали большую часть му-

⁶⁰ Март. Музейный хищник // Советская Сибирь. 1925. 18 февраля.

⁶¹ ГАНУ. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Вскрытие могилы // Рабочий путь. 1922. 6 января; Хроника // Трудовой путь. 1922. 8 марта; Мертвых грабят // Трудовой путь. 1922. 10 мая.

⁶² Весь Омск. Омск, 1911. С. 140.

⁶³ Сабурова Т. А. Интеллигенция Омска на рубеже XIX – XX вв. С. 16.

⁶⁴ Вибс П. П. О создании в Омске «Музея Гражданской войны в Сибири». С. 172.

зейных экспонатов в подвалах. Вслед за «правителем омским» на восток бежало огромное количество его сторонников, многие погибли в боях и от тифа, социальный состав населения города в начале 1920-х гг. заметно изменился. И это не могло не сказаться на сохранении локального компонента коллективной памяти о дореволюционном Омске. Омская старина была дважды «проработана»: сначала колчаковцами, потом большевиками. Представляется, что сразу после восстановления Советской власти здесь не могло возродиться и быстро окрепнуть такое же активное собирательство материалов о старом Омске, как в университетском Томске. Многие в городском «ландшафте коллективной памяти» еще напоминало запретную тему колчаковского властвования, связанных с ним надежд и разочарований. Имя Колчака в эти годы невольно не сходило с уст омичей. Как уже отмечалось выше, Гражданская война «повисла» для сотрудников музея между прошлым и настоящим. Видимо, такое продление омской современности создавало ощущение близости и дореволюционного прошлого города, еще «жившего» в перегруженной эмоциями и противоречивыми оценками памяти омичей. Поэтому и контуры репрезентации прошлого Омска в экспозиции музея были размытыми, представить этот период в экспозиции в формально-структурированном виде было еще трудно, ведь, как уже отмечалось, музейные экспозиции обретают актуальность в условиях угасания «живой» памяти.

Итак, экспозицию омского музея начала 1920-х гг. трудно считать полноценным и востребованным омичами местом памяти о локальном и общероссийском прошлом. Причины этого коренятся не только в хозяйственной разрухе и недобросовестности директора, но и в неопределенности самой исторической памяти горожан. Несмотря на активную краеведческую работу, развернутую музеем в середине второго десятилетия XX в. и инициативность местного истпарата, омские музейщики мало заботились о пересмотре исторической части экспозиции, которая долго оставалась традиционной и лишь к концу 1920-х гг. стала обретать более «советский» вид. Омичи с середины 1920-х гг. посещали музей все чаще. Видимо и традиционная историческая часть экспозиции воспринималась ими как норма, которую нет смысла критиковать. Сложности концептуализации экспозиции в конце 1920-х гг. были связаны, по нашему мнению, прежде всего, с поспешностью обращения к этой тематике, со внутренней «непережитостью» сотрудниками музея событий последнего десятилетия, восприятием их как современности, которая пока естественно нуждается в формальной фиксации. Можно предположить, что социальная память о недавнем прошлом жителей Омска, не занятых непосредственно партийной работой, также имела еще размытые контуры, была поливариантной и внутренне конфликтной, а ментальные карты «ландшафта коллективной памяти» были разными у разных социальных групп.

Информация о статье

Автор: Красильникова Екатерина Ивановна – канд. ист. наук, доцент, Россия, Новосибирский государственный технический университет. katrina97@yandex.ru

Заглавие: Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг.

Абстракт: Статья посвящена характеристике исторической части экспозиции Омского музея 1920-х гг. как места памяти жителей города. Автор прослеживает влияние на экспозицию политики памяти государства, местной культурной и повседневной жизни и делает выводы о роли музея в формировании коллективной памяти омичей о прошлом Сибири и России. По наблюдениям автора статьи, в 1920-х гг. историческая часть экспозиции музея была противоречивой и незавершенной. Это было связано не только с материальными трудностями и отсутствием в штате музея профессиональных историков, но и со спецификой коллективной исторической памяти жителей бывшей «белой» столицы. Сотрудниками музея, как и множеством омичей история революций и Гражданской войны в Сибири воспринималась как еще слабо осмысленная современность. Очевидно, историческая память о недавнем прошлом жителей Омска была поливариантной и внутренне конфликтной, а ментальные карты «ландшафта коллективной памяти» оказывались разными у разных социальных групп.

Ключевые слова: музей, историческая экспозиция, место памяти, коллективная память, идеология.

On article

Author: Krasil'nikova Ekaterina Ivanovna – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Novosibirsk State Technical University. katrina97@yandex.ru

Title: Representation of the past in the Omsk museum exposition in 1920th.

Abstract: This article is devoted to the characteristic of Omsk regional museum's historical exhibition in 1920th as a townspeople memory place. The author discovers the degree of influence on this exhibition from the side of state memory politics, local cultural and ordinary life and makes the conclusions about the museum's role in forming of Omsk inhabitants' group memory about Siberia and Russia past. According to observations by the author, in the 1920-th historical part of the exhibition of the Omsk museum was contradictory and incomplete. It was connected not only with financial difficulties and the lack in a museum the professional historians, but with the specifics of the collective historical memory of the people, who lived in a former «white» capital. Obviously, the historical memory of the recent past has connections with multiplicity and internal conflict, and mental maps of «the landscape of collective memory», were different in different social groups.

Key words: museum, historical exposition, memory please, group memory, ideology.